

УДК 94(47).027

ПРОСТРАНСТВО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАДИМИРСКИХ КНЯЗЕЙ

© 2019 г.

А.А. Кузнецов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

nalbuz@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2019

Рассматриваются биографии владимирских князей Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо, Георгия (Юрия) Всеволодовича в географическом контексте Восточной Европы. Анализируется жизненный опыт странствий детей и внука Юрия Долгорукого с целью выявления личностных мотиваций их действий во внешней политике второй половины XII – середины XIII в., влияния на эти действия географического кругозора. Этот кругозор был непосредственным и опосредованным. Опосредованные представления о географическом пространстве складывались из рассказов-травелогов. Доказывается, что политико-географический опыт был важным фактором в выстраивании военно-политических стратегий. Историческими источниками данного исследования являются русские летописи и сочинение византийского историка Иоанна Киннама.

Ключевые слова: Владимирское княжество, Северо-Восточная Русь, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Георгий Всеволодович, Прибалтика, Новгород, Византия.

Первым владимирским князем справедливо считается Андрей Юрьевич (Боголюбский) (1157–1174), поскольку он не только обосновался во Владимире, но и перевёл туда княжеский стол после своего избрания князем Северо-Восточной Руси в 1157 г. Соответственно точкой отсчёта исследования будет 1157 год, а завершающей датой – 1238 год, когда погиб Юрий (Георгий) Всеволодович.

Из историографии Северо-Восточной Руси неявно следует вывод о том, что от Юрия Долгорукого (даже от Владимира Мономаха, которого следует считать основателем Владимира) к Юрию (Георгию) Всеволодовичу круг внешне-политических интересов залесских князей последовательно сужался.

Так, в 1107 г. болгары осаждали Суздаль, и тогда же состоялась битва русских дружин с половцами на Суле. Согласно В.А. Кучкину, болгары воспользовались отсутствием в Залесской земле ростовского князя Вячеслава, участвовавшего в походе на половцев [1, с. 71]. Отсутствие князя с войском облегчило нападение болгар. Следствием этого события стали закладка Владимира-на-Клязьме и другие действия Владимира Мономаха. В 1108 г. он женил сына Юрия на дочери половецкого хана Аепы и отправил молодую чету в Суздальскую землю. В 1117 г. Аепа и несколько других половецких ханов были отравлены булгарами [2, стб. 285]. Через три года, в 1120 г., состоялся поход Юрия Владимировича на болгар, совпавший с большим походом его брата Ярополка Владимиро-

вича на донских половцев [3, стб. 292]. Очевидно, что Юрий Владимирович не по своей инициативе, а по решению отца совершил поход. В 1107–1120 гг. прослеживается совпадение в рамках Восточной Европы антиполовецких акций Владимира Мономаха, его брачно-родственных отношений с ханом Аепой, политикой по противодействию булгарам, в которую оказался включённым и его сын Юрий (Долгорукий). Это было не случайным и определялось единой стратегией Владимира Всеволодовича, ставшего в 1113 г. великим киевским князем. Налицо – восточноевропейский размах политики Мономаха, в которой фактор наместничавшего в Северо-Восточной Руси сына Юрия был существенным [1, с. 71]. После Мономаха такая сцепленность событий «Русской земли» и Залесской земли, противоречивых контактов с половцами и непростых отношений с булгарами в источниках не наблюдается.

Другим примером геостратегического размаха военно-политической деятельности владетеля Северо-Восточной Руси является политическая деятельность Юрия Владимировича (Долгорукого) (1120–1157). Н.Н. Воронин писал: «Многолетняя борьба между Изяславом и Юрием за обладание Киевом не была только местной русской борьбой... Второй крестовый поход 1147 г. ...поставил под угрозу самое существование Византийской империи. Кроме того, она вела борьбу с Венгрией, в которую втягивались западные государства и русские княжества. На стороне Византии были Юрий

Долгорукий, женатый на греческой княжне [непроверяемая версия Н.М. Карамзина], его союзник Владимирко Галицкий, сын которого Ярослав был женат на дочери Долгорукого Ольге, германский император Конрад и Венеция. На стороне Гезы Венгерского был его шурин Изяслав Мстиславич, Франция и сицилийские норманны»; в круг союзников Юрия Долгорукого подтягивался новгородский владыка Нифонт – противник второго русского по национальности митрополита Клима Смолятича, ставленника Изяслава Мстиславича [4, с. 31]. В.Т. Пашуто, М.В. Бибииков в своих исследованиях априори тоже руководствуются тезисом о европейском расколе Европы на два блока, участниками которых были непримиримые соперники Юрий Владимирович и Изяслав Мстиславич. Такая роль ростовского князя Юрия, сама по себе, определяла наличие у него широкого геополитического и географического кругозора.

По отношению к потомкам Юрия Долгорукого в историографии сложилось негласное мнение, что после Юрия Владимировича политика его наследников – детей и внуков – мельчает, суживается. Следовательно, сжимается и их историко-географический кругозор. Андрей Боголюбский воссел во Владимире и оттуда, как паук, по словам В.О. Ключевского, раскидывал свои сети на Русь. И только на Русь. К ней добавлялись лишь походы первого владимирского князя и его сына на болгар в 1164 г. и 1172 г. соответственно, а также апеллирование к Византии в спорах вокруг церковных организации и обрядов в Северо-Восточной Руси.

Всеволод Большое Гнездо, согласно общему негласному историографическому представлению (за редкими исключениями), свёл свою деятельность после 1176 г. лишь к Владимирскому княжеству и к Северной Руси. И только возможный брак князя с чехиней (на самом деле, с ясыней), дочерью чешского князя Шварна, как-то поддерживал представление о широком политико-географическом горизонте князя. Правда, молчание источников никак не позволяет встроить факт этого брака в какую-либо стратегию Всеволода. А уж его дети, погрязшие в усобицах, вообще не могли мыслить категориями вне княжества и пограничных земель.

Простое перечисление фактов биографий владимирских князей Андрея Юрьевича (Боголюбского) (1157–1174), Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо) (1176–1212) и Георгия (Юрия) Всеволодовича (1212–1216, 1218–1238) опровергает этот стереотип.

Андрей Юрьевич Боголюбский зимой 1147 г. участвовал в победоносном походе на Рязань. В августе 1149 г. он сражался в битве у Переяс-

лавля-Русского, а после вокняжения Юрия Владимировича в Киеве утверждён им в Вышгороде. В 1150 г. Андрей Юрьевич оказался в Переяславце и проявился в битве за Луцк на юго-западе Руси. В начале лета 1150 г. он бежал с отцом из Киева и с ним вернулся назад, затем заключил мир с половцами в Переяславле (Южном). Тогда же княжич побывал в Турово-Пинской земле. В 1151 г., преследуя Изяслава Мстиславича, Андрей исколесил земли от Переяславца до Киева и Остерского Городка. Эти странствия сопровождались общением с союзником Юрия Долгорукого – Владимирком Галицким, по рассказам которого у будущего владимирского князя складывался образ Галицкого княжества. В 1151 г. Андрей Юрьевич также «осваивал» левобережье Днепра: Белгород, битва на Руте, Переяславль – и, в конце концов, был выдвинут в Суздальскую землю. В 1152 г. вместе с отцом Андрей неудачно осаждал Чернигов. В 1154 г. он ещё раз совершил поход на Рязань, занял её и некоторое время княжил там [5, с. 440–441]. В 1155 г. княжич, вопреки воле отца, из Вышгорода с иконой Богоматери ушёл во Владимир [3, стб. 346]. Этот путь, вероятно, пролегал вверх по Днепру до Смядины в Смоленской земле, а оттуда устремлялся на юго-восток.

Андрей Юрьевич до 1155 г. уже знал Южную Русь – от восточных границ до западных, познакомился с Киевом; отметился в Рязанском княжестве; проходил по территории Смоленского княжества. Возможно, этот опыт сказался на общерусских амбициях Андрея Боголюбского, когда он стал правителем Залесской земли.

Вокняжившись в 1157 г. в Северо-Восточной Руси и создавая из неё общерусский «центр силы», Андрей Юрьевич продолжал мыслить масштабами Древнерусского государства и даже шире. Об этом свидетельствует контроль над южными землями, который он осуществлял через своего младшего брата, переяславского князя Глеба. Тот стал киевским князем после успешного похода на Киев в 1169 г. коалиции князей, организованной Андреем Боголюбским в 1169 г. [3, стб. 354]. Его державные претензии проявились и в попытках учредить митрополию, затрагивавших уже «Византийское содружество наций» (по терминологии Д. Оболенского). Расширение представлений о «Русской земле» в широком смысле этого слова у Андрея Боголюбского проходило и тогда, когда он уже был владимирским князем. Имеется в виду болезненный опыт неудачного похода на Новгород в 1170 г. [3, стб. 361–362]. Разгром Киева и фиаско под Новгородом в биографии Андрея Юрьевича Боголюбского связаны между собой его попыткой подчинить, а может быть, и раз-

рушить в пользу возвышения Владимира географо-политическую основу древнерусской государственности – ось «Киев – Новгород». Эта ось является конструктом историографии, организовывавшей нечёткие реалии летописных нарративов.

Будучи владимирским князем, Андрей Юрьевич существенно пополнил свои представления о землях на восток от своего княжества, а также занялся географическим упорядочением собственных владений. Оно было связано с началом наступления на Восток. Андрей Боголюбский в 1164 г. провёл победоносный поход на болгарский город Бряхимов [3, стб. 352–353], стоявший на впадении реки Билярки в Малый Черемшан. Маршрут пролегал по Оке и Волге, а затем по Каме [6, с. 50]. Кроме знакомства с неизведанными пространствами Волги, Заволжья и нижнего Прикамья, этот поход имел и иные результаты. Географическим следствием успеха стала закладка владимирским князем на удалённом левом берегу Волги Городца. Он впервые упомянут в 1172 г. в княжение Андрея Юрьевича как существующий [3, стб. 364]. Этот город Владимирского княжества оказался вынесенным далеко на восток от основных земель Владимирского княжества. Кроме Волги, их ещё разделял массив политически неосвоенной земли, располагавшийся, в основном, на левобережьях Клязьмы, Оки и правом берегу Волги. Границы этой *terra incognita* в общих чертах передают тогдашние дороги, соединявшие Владимир и Городец. Путь по суше к Городцу шёл от Владимира через Суздаль, далее – на север к селу Омут (Омуцкое) и поворачивал на восток, к Волге. Иначе добраться от Владимира к Городцу (и обратно) можно было по рекам: Клязьмой в Оку, до её устья, а далее – вверх по Волге [1, с. 204]. Такие обстоятельства делали Городец своеобразным «островом» Владимирского княжества.

После 1158 г., возможно одновременно с Городцом, почти на устье Клязьмы по воле владимирского князя Андрея Юрьевича встал Гороховец [7, с. 24]. Он вкупе с Ярополчем (около современных Вязников), основанным Владимиром Мономахом [7, с. 12], укреплял границы княжества по Клязьме, а также блокировал вход с устья Оки возможных неприятелей. Однако главным в почти одновременном основании Городца и Гороховца было ограничивание территории от левобережья Клязьмы по её течению, от левого берега Оки от Клязьминского устья до впадения в Волгу, сухопутной дорогой от Владимира до Гороховца и правобережьем Волги между выходом пути по суше и устьем Оки. Весьма вероятно, что в домонгольское

время этот район назывался *Черемись*, как этот оним читается в этногеографическом экскурсе Повести временных лет [2, стб. 8; 3, стб. 10–11]. Со второй половины XIII в. этот топоним стал вытесняться названием *Мещера* (не путать с Рязанской Мещерой). Предположительно, этот анклав был враждебен населению Владимирского княжества, иначе зачем было при Андрее Боголюбском обставлять его градами-крепостями (в 1213 г. на Клязьме будет упомянут ещё град Стародуб, вероятно, основанный при Всеволоде Большое Гнездо). От кого исходила угроза, пока неясно. Возможно, это было население, проживавшее на правом берегу Оки в районе современного Горбатова (Мещерская Поросль) и рассматривавшее территорию Черемиси-Мещеры как свою промысловую зону [8].

В 1166 г. состоялся поход в Заволочье сына владимирского князя – Мстислава Андреевича. О целях и результатах рейда летописи не сообщают [3, стб. 353; 1, с. 92]. Предположительно, он был нацелен на укрепление позиций княжества в этом районе, в котором традиционно влиятелен был Новгород. Сам факт похода показывает масштабы политико-географической перспективы Андрея Боголюбского. Ещё один поход Мстислава Андреевича в 1172 г. – на волжских болгар – затронул место будущего Нижнего Новгорода – устье Оки [3, стб. 364]. Возможно, князь Андрей Юрьевич уже задумывался над тем, чтобы замкнуть там «контур» Черемиси-Мещеры: Городец – устье Оки – Гороховец – течение Клязьмы – Владимир – сухопутная дорога на Городец. Кроме того, закрепление места впадения Оки в Волгу выводило бы Владимирское княжество на правобережье этих рек, где проживала мордва и где волжские болгары имели свои интересы. Этот проект не осуществился из-за убийства Андрея Боголюбского в 1174 г.

Князь Андрей Юрьевич (Боголюбский) начал реализовывать программу сакрального строительства, создания священных христианских маркеров (иеротопии) Владимирского княжества (не рассматривается подобная деятельность Юрия Долгорукого). Почти одновременно со смертью отца он завершил начатое им строительство церкви Спаса в Переяславле [3, стб. 348]. В 1158 г. князь Андрей инициировал возведение величественного Успенского собора [3, стб. 348], по сей день являющегося одним из ярких символов Владимира. Храм, завершённый в 1160 г., заместил собой сгоревшую тогда же «сборную дивную и великую церковь святой Богородицы» в Ростове [3, стб. 351]. В 1161 г. была освящена церковь на Золотых воротах во Владимире и заложена церковь святого Спаса во Владимире [3, стб. 351]. Даже резиденция

князя носила название Боголюбово, и напротив её у Нерли была возведена церковь Покрова. Плотная по времени политика Андрея Боголюбского по христианскому освоению Северо-Восточной Руси требовала серьёзного финансирования. Поиск его источников, несомненно, должен был отразиться на податном населении княжества. Ведь даже поход на Булгарию в 1164 г., согласно летописи, носил не военнотрофейный характер, но был своеобразным «крестовым походом» под знаменем иконы Владимирской Богоматери [3, стб. 352–353]. В качестве исследовательской догадки можно предложить допущение, что экономические тяготы населения Владимирского княжества из-за формирования христианской земли на северо-востоке Руси создали благоприятную почву для заговора против князя в 1174 г. и благодушно-мародёрское отношение владимирцев к его убийству [3, стб. 369–371]. В летописной статье «А се князи Русьстии», созданной в первой трети XV в., иеротопической стороне деятельности князя придано целеполагающее значение [9, с. 467].

За 17 лет княжения Андрея Боголюбского поменялась политическая география Северо-Восточной Руси. Если в 1157 г. «Ростовци и Суждалци... пояша Андрея... и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали» [3, стб. 348], то в 1174 г. к ростовцам и суждальцам добавляются переяславцы и владимирская дружина, которые съехались во Владимир для решения вопроса о власти [3, стб. 371]. Затем на протяжении нескольких летописных страниц встречаются упоминания Залесской земли то как Суждальской, то как Ростовской. При этом часто столичным городом называется Владимир; Ростовская земля может воевать против Владимира, а жители Суздаля клясться князьям, что не были союзниками Ростова в этой борьбе; ростовский престол и владимирский престол объявляются значимыми престолами, которые занимали отец и дед Михалка и Всеволода Юрьевичей (конечно, их дед Владимир Мономах основал Владимир, но до 1157 г. он не являлся столицей) [3, стб. 371–386; 2, стб. 595–606]... Складывается впечатление, что к 1174 г. Андрей Боголюбский сделал де-факто столицей княжества Владимир, а после его гибели Ростов попытался вернуть утраченное значение. Однако ко времени окончательного вокняжения Всеволода Юрьевича в 1176 г. (1178 [среди историков нет однозначной согласованности в датировке окончательного и бесповоротного утверждения Всеволода Юрьевича на владимирском престоле]) первенство Владимира закрепилось. И, вероятно, сложилась расстановка главных городов Северо-Восточной Руси – Владимир,

Ростов, Суздаль, Переяславль (Залесский), из которых первым среди равных являлся Владимир, и там находилась княжеская столица. Такую ситуацию можно назвать одним из итогов правления Андрея Боголюбского.

У младшего сводного брата Андрея Юрьевича – Всеволода (Дмитрия) Юрьевича (Большое Гнездо) – личная география оказалась богаче. В 1161–1162 гг. он в 7-летнем возрасте вместе с матерью оказался в Царьграде, где византийский правитель дал одному его брату, Васильку, четыре города на Дунае, а другому брату, Мстиславу, – волость Оскалана (Аскалон, Ашкелон) [2, стб. 521]. По предположению М.В. Бибикова, в записи Иоанна Киннама под 1165 г.: «В то же время и Владислав, один из династов в Тавроскифской стране, с детьми, женой и всеми своими людьми добровольно перешёл к ромеям. Ему была отдана земля у Истра, которую некогда василевс дал пришедшему Василику, сыну Георгия, который среди филархов Тавроскифской страны обладал старшинством» [10, с. 67] – русский князь Владислав мог обозначать Мстислава Юрьевича. На равных с этой версией приведены еще две: Владислав – это Василько Юрьевич или неизвестный русский князь [10, с. 138–139, комментарии 237–244]. Если верна первая версия, то Мстислав Юрьевич получил землю у Истра (Дуная). Тогда это противоречит русским летописям. Но, так или иначе, Мстислав и Василько Юрьевич оказались в Византии в то же время, когда там же пребывал и их самый младший брат и сын Юрия Долгорукого.

Будущий владимирский князь, малолетний Всеволод-Дмитрий (1176/1177–1212), находился рядом с матерью. Из Царьграда, судя по источникам (только по летописям), Всеволод с матерью никуда не уезжали. Лишь через 10 лет летописи отмечают Всеволода Юрьевича на юге Руси [2, стб. 453]. Для Византии в отношении Руси это было переломным временем. Византийский император Мануил I пытался наладить отношения с киевским князем Ростиславом Мстиславичем, чтобы нейтрализовать намечавшийся союз Венгрии с Галицким княжеством, которое имело виды на Нижнее Подунавье [10, с. 132–134, комментарии 203–209]. В свою очередь, киевский князь боялся усиления Северо-Восточной Руси Андрея Боголюбского [11, с. 193], которая ещё во времена Юрия Долгорукого ориентировалась на Византию. Во время пребывания Всеволода-Дмитрия в Византии при её активном участии происходила политическая переконфигурация Восточной Европы, и будущий владимирский князь был свидетелем тому.

Некоторое время отрок Всеволод-Дмитрий находился в Византии, а затем по каким-то своим соображениям и обстоятельствам (брatья Мстислав и Василько остались в Византии или умерли к этому времени) во взрослом возрасте вернулся на Русь. Такой же шаг сделал и племянник Всеволода – Ярослав Мстиславич. Они, судя по источникам, общались. Поэтому от Ярослава Всеволод должен был знать опосредованно о тех землях, где находился его брат Мстислав – в Аскалоне ли, Нижнем Подунавье ли.

Ещё один важный аспект византийско-древнерусских перемещений княжича Всеволода был обусловлен и личными обстоятельствами. В 3-летнем возрасте потеряв отца, он, в числе других родственников, был изгнан Андреем Боголюбским из Залесской земли. Детство и ранняя юность Всеволода-Дмитрия прошли в странствиях и пребывании в Византии. Северо-Восточная Русь ему казалась чужой, не была родной по личному эмоциональному опыту. Наверное, и поэтому, вернувшись на Русь, Всеволод-Дмитрий и не помышлял о вокняжении там, не стремился туда. Власть старшего сводного брата Андрея во Владимире казалась незыблемой, никто из Рюриковичей не мог предвидеть его убийства в 1174 г. Вернувшись на Русь, Всеволод был среди князей на вторых ролях, что отразилось на его именовании уничтожительным *Дмитрок* [3, стб. 354]. Он некоторое время находился в степном пограничье среди «конфедератов» (торков, берендеев), обороняя юго-восточные рубежи Руси, Киевщины от половцев. «Дмитрок» участвовал во многих военно-политических событиях первой половины 1170-х гг. на востоке от Киева. Вероятно, тогда он и познакомился со своей будущей женой-ясыней. Установление этого факта позволяет отказаться от «чешской» версии происхождения супруги Всеволода Юрьевича и исключить чешский вектор в его географическом опыте [12]. Зато родственные связи с сёстрами жены обеспечили Всеволоду верность свояка – князя Ярослава Владимировича, долгое время тому назад направленного из Владимира на новгородский стол, и близость с другим свояком, из Чернигова. Ещё до брака сына черниговского князя на ясыне Всеволод Юрьевич выдвинулся с братом Михалком в Северо-Восточную Русь именно из Черниговской земли. Брак Всеволода Юрьевича с незнатной и малоизвестной ясыней проливает свет на возможные политические и географические условия пребывания будущего владимирского князя на юге Руси. Христианские ясы (аланы) проживали не только в предгорьях Северного Кавказа, но ареал их обитания мог распространяться и на

степи. Тогда и Половецкая степь домонгольской эпохи не выглядит однородным пространством кочевников-язычников. И с этим опытом Всеволод станет владимирским князем и, кроме прочего, будет проводить политику в отношении половцев. А жена-ясыня новгородского князя Ярослава Владимировича, возможно, станет инициатором иконографии собора Спасана-Нередице, где будут представлены закавказские святые, популярные в Аланской епархии [13].

Вокняжение Всеволода Юрьевича во Владимире произошло в определённой мере случайно, под влиянием нескольких факторов: гибели Андрея Юрьевича, решения двинуться с племянниками Ростиславичами и братом Михалком в Северо-Восточную Русь, побед Михалка и самого Всеволода над Ростиславичами, рязанским князем Глебом... В борьбе за власть в 1175–1178 гг. Всеволод во всех направлениях не раз пересёк всю территорию Владимирского княжества. Как указывалось выше, Всеволод Юрьевич не имел корней и душевной привязанности к княжеству своего отца, а потому он не был морально и эмоционально стеснён в своём утверждении в Залесской земле и своего права на Залесскую землю среди других Рюриковичей. В первом случае Всеволод Юрьевич применил, например, ослепление племянников Ростиславичей, практиковавшийся способ устранения политических соперников в Византии. Во втором случае Всеволоду Юрьевичу понадобилось силой добиваться доминирования в Рязанском княжестве, Новгороде и уравнивания в статусе с черниговскими Ольговичами, смоленскими Ростиславичами, с вольнским князем Романом Мстиславичем. На рубеже XII–XIII вв. Всеволод Юрьевич уже претендовал на то, чтобы считаться «старейшим в Володимире племени» [2, стб. 685–686]. Однако именно изначально слабые позиции диктовали Всеволоду Юрьевичу необычные силовые решения, создающие у историков впечатление новых тенденций по усилению княжеской власти в раздробленной Руси.

Борьба за власть во Владимирском княжестве после убийства Андрея Боголюбского драматично отразилась на судьбе его сына Юрия (Георгия). Из грузинских и армянских источников известно, что после своей победы Всеволод Юрьевич изгнал племянника. Тот затем проявился у половцев, куда за ним пришли послы («сваты») от грузинской царицы Тамар. Последовали неудачный брак Юрия Андреевича с грузинской правительницей, его изгнание и попытки вернуть грузинский престол [14]. В этой «одиссее» примечательно то, что после изгнания из Залесской земли Юрий обрёл пристани-

ще у половцев. Это не случайно, поскольку они были его родственниками по отцовской линии. Андрей Юрьевич был сыном половчанки, и у родственников своей бабки Юрий нашёл приют. Данный факт показывает, насколько сильна была эта половецкая самоидентификация первого владимирского князя и его сына, причём лишь по роду Осеней. Очевидно, что она должна была сказываться на их политике в отношении Степи. Всеволод же, будучи сыном Юрия Долгорукого от второго брака (возможно, с представительницей византийской знати, если учесть благосклонное отношение к ней «царя», когда она прибыла из Руси), был чужд этой ориентации, имел другие этногеографические и родовые мировоззренческие ценности. На них мог повлиять и его брак с ясыней. К сожалению, древнерусские источники и источники зарубежного происхождения почти не предоставляют информации для изучения этого генеалогического и этнокультурного аспекта мотивации Рюриковичей домонгольской поры, в том числе и потомков Юрия Долгорукого.

Всеволоду Юрьевичу не удалось в полной мере добиться своих целей: признания его власти во Владимирском княжестве и узаконения этого среди Рюриковичей. Эти две претензии сошлись по отношению к Рязани и Новгороду. Рязанское княжество противостояло державному давлению Всеволода Юрьевича, и он вынужден был его оккупировать, пленить рязанских князей, их жён, епископа и даже часть населения [3, стб. 431–434]. А с его, казалось бы, незыблемыми позициями в Новгороде в 1208–1209 гг. покончил Мстислав Удатный. Эти события показывают, что раздробленные русские земли на рубеже XII–XIII вв. не были готовы принять политическую практику владимирского князя, которая могла вдохновляться византийскими идеалами сильной централизованной власти. Более успешными оказались действия владимирского князя по тому, чтобы уравниваться с ключевыми силовыми центрами Руси – Смоленском, Черниговом и отчасти с Галицко-Волынским княжеством.

Подробные сведения о Галиче Всеволод Юрьевич мог получить ещё во второй половине 1170-х гг. В 1173 г. в Торческе у его брата Михалка (в тех же краях пребывал и Всеволод) появилась сестра Ольга с сыном Владимиром Ярославичем. Чуть позже Владимир Ярославич вернулся в родной Галич, а Ольга отправилась во Владимир [2, стб. 571]. В 1179 г., когда Всеволод прочно обосновался во Владимире, княгиня Ольга упомянута там в связи с рождением у брата дочери [2, стб. 613]. В следующий раз летописи говорят о смерти в 1182 г. княгини

Ольги, принявшей при постриге имя Ефросинья [3, стб. 389; 2, стб. 624]. Кроме того, Всеволоду Юрьевичу довелось поучаствовать в судьбе племянника Владимира Ярославича, изгнанного боярами из Галича и попавшего в венгерский плен. В 1189 г. Владимир Ярославич «ускочил из Угор». Он добрался до «царя немецкого» (германского императора Фридриха Барбароссы). Тот, узнав, что русский князь доводится сестричем великому князю Всеволоду Суздальскому, направил Владимира к польскому королю Казимиру. Казимир поспособствовал утверждению Ярослава в Галиче [2, стб. 666]. Владимир Ярославич, тем не менее, чувствовал шаткость своего положения и обратился к дяде Всеволоду Большое Гнездо за поддержкой, обещая находиться всегда в его воле. Всеволод Суздальский направил к русским князьям и к польскому королю послов, которые сумели добиться обещания, что против Владимира Ярославича никто не будет выступать [2, стб. 667].

В этой истории с галицкими родичами владимирский князь Всеволод Юрьевич действовал и как общерусский правитель, и как политик европейского масштаба.

Ещё одним способом воздействия Всеволода Юрьевича на общерусскую расстановку сил стало восстановление власти над Переяславлем (Южным, Русским) и важными ключевыми пунктами на юго-востоке Руси. В 1194 г. по указанию Всеволода III был возобновлен Остерский Городец – владение отца, разоренное его противниками в середине XII в. В 1197 г. Всеволод посадил в Переяславле епископа [3, стб. 412–414]. В 1198 г. там умер племянник владимирского князя Ярослав Мстиславич [3, стб. 414–415], а в 1200 г. Всеволод Юрьевич туда направил своего сына Ярослава [3, стб. 416]. Тот успел вместе с волынским князем Романом совершить поход на половцев. В 1205 г. Всеволод женил сына Ярослава на внучке Кончака – хана донских половцев, часто нападавших на Переяславль [3, стб. 426]. Изгнанием Ярослава из Переяславля черниговским князем Всеволодом Чермным начался конфликт последнего с владимирским тезкой. Он завершился примирением соперников в 1210–1211 гг. свадьбой их детей и возвращением Переяславля под власть владимирского князя.

Даже неполный перечень фактов показывает, что Всеволод Большое Гнездо добился общерусского значения владимирского князя. Его военно-политическая воля достигала практически всех земель раздробленной Древней Руси (кроме Полоцкого, Турово-Пинского княжеств). Борьба за это доминирование, время, потраченное на неё, не дали в полной мере проявиться ещё одному стремлению Всеволода III – пре-

тендовать на Киев. Основания для этого были: в 1173 г. младший сын Юрия Долгорукого недолго занимал киевский престол [2, стб. 570]. Данный прецедент формально его уравнивал с князьями Чернигова, Смоленска, Владимира-Волынского и дал правовую возможность сыну Ярославу в 1236 г. вокняжиться в Киеве.

Вовне Руси, кроме отношений с европейскими государями, Всеволод Юрьевич продолжал начатую Андреем Боголюбским на востоке экспансию в направлении Волжской Булгарии. В 1183 г. состоялся организованный Всеволодом Большое Гнездо грандиозный поход, в котором приняли участие залесские полки, дружины рязанских и муромских князей, сыновей черниговского (на тот момент киевского князя) и смоленского князей, племянника Изяслава Глебовича [3, стб. 389–390; 2, стб. 625–626]. Целью похода стал Великий город (на р. Большой Черемшан). На обратном пути Всеволод Большое Гнездо распорядился «пустить коней на мордву». Эта лапидарная фраза знаменательна тем, что впервые мордва упоминается в связи с внешней политикой владимирского князя. В 1185 г. Всеволод Юрьевич посылал рать на болгар во главе с воеводами [3, стб. 400]. В 1205 г. состоялся ещё один речной поход, организованный Всеволодом на Булгарию. Судовая рать дошла до Хомол, был взят большой полон и товар [15, с. 41].

При Всеволоде были основаны Устюг и Унжа [1, с. 93]. Эти грады характеризовали движение Владимирского княжества на северо-восток. Унжа и Устюг были направлены и в сторону Заволочья, спорной территории Новгорода и Владимирского княжества. И если при Андрее Боголюбском отмечен лишь один поход сына Мстислава в Заволочье, целью которого, наверное, являлись трофеи, то при Всеволоде начинается колонизация этой земли. Возможно, с этим можно связать и поход меченоши владимирского князя на загадочную Тепру (см. статью Т.В. Гимона в этом номере) [3, стб. 435].

Проявился Всеволод Юрьевич и в отношении иеротопии. По его почину был построен Дмитровский собор во Владимире, куда была доставлена «гробная доска» Дмитрия Солунского. Его жена возвела монастырь и церковь во Владимире [3, стб. 424].

Сыновья Всеволода Юрьевича Большое Гнездо составили первое поколение природных, исконных владимирских князей. Они родились и выросли во Владимирском княжестве и являлись претендентами на его престол по праву рождения. Естественным ходом вещей за время владимирского княжения Всеволода Большое Гнездо в Залесской земле не осталось ни одного

представителя потомства Юрия Долгорукого, кроме детей его младшего сына.

Ещё при Всеволоде Большое Гнездо произошло разделение княжества на ростовскую и владимирскую части. Ростовская земля была отдана Константину с детьми, а Владимирская – вместе с властью над младшими братьями – Георгию (Юрию) Всеволодовичу (1212–1216, 1218–1238). После сражения на Липице в 1216 г. одолевший Георгия Константин Всеволодович восстановил формальное единство княжества со столицей во Владимире, чего не стал менять вокняжившийся вновь в 1218 г. Георгий (Юрий). Он в сравнении со старшим Константином и младшими братьями выглядит домоседом. Он не бывал в Переяславле-Русском, Новгороде, Чернигове. Крайними точками его маршрутов являлись *Рязань и города Рязанского княжества*, которые он посетил во время войны Всеволода Большое Гнездо, *Городец*, где он находился в ссылке в 1216–1217 гг. и заключал мир с булгарами в 1220 г., *устье Оки*, где был заложен *Нижний Новгород* в 1221 г., *Торжок* на границе Новгородской и Залесской земель в 1223 г., *мордовские земли к югу от Нижнего Новгорода зимой 1229 г.*

В общерусском плане политическое пространство проецировалось на среду брачных связей владимирских князей. Её создавал Всеволод Большое Гнездо и продолжил его сын Георгий. В 1189 г. он выдал за *смоленского князя* Ростислава Рюриковича Верхуславу [3, стб. 407]. В 1195 г. Константин Всеволодович женился на дочери *смоленского князя* Мстислава Романовича. В 1213 г. вдовый Ярослав, возможно по инициативе Георгия, продолжая эту брачную – *смоленскую* – линию, женился на дочери Мстислава Удатного. *Черниговская* линия браков, начатая в 1187 г. дочерью Всеволода Большое Гнездо – Всеславой [3, стб. 405], была продолжена браком Георгия и Агафьи в 1211 г., а в 1215 г. Владимир Всеволодович женился на дочери Глеба Святославича [3, стб. 438] из рода *Ольговичей*. «Брачная политика» Всеволода Юрьевича после его смерти стала одной из предпосылок раскола среди сыновей, закончившегося в 1216 г. битвой на Липице. Сыновья Всеволода Юрьевича в 1212–1216 гг. как бы «растягивались» между *Черниговом* и *Смоленском*.

Предотвратить разлом мог лишь только сильный лидер клана Всеволодовичей. Таковым предстал Георгий Всеволодович, но уже после ссылки в Городце и вторичного вокняжения во Владимире. Зимой 1227/1228 г. в Чернигове племянник великого владимирского князя Василько Константинович женился на дочери Ми-

хаила Черниговского [3, стб. 450, 475]. Вскоре женился другой племянник Георгия – Всеволод Константинович. Его женой в 1228 г. стала дочь Олега Курского. Эти два брака взаимосвязаны, если учесть летописное сообщение о походе, устроенном Георгием Всеволодовичем в 1226 г. на противника Михаила Всеволодовича (Черниговского) – Олега Курского, в котором участвовали Константиновичи [3, стб. 448]. Уже после похода они женились на дочерях примирённых противников. Налицо – осуществление великим владимирским князем Георгием привычной со времени его отца Всеволода Большое Гнездо политики. В 1226/1227 г. Георгий Всеволодович выдал свою дочь за брата Даниила Галицкого – Василька Романовича [2, стб. 758]. Так датируется оформление союза Владимирского и Волынского княжеств, к которому чуть позже примкнул Владимир Рюрикович. В 1230 г. он выдал свою дочь Марию за сына Георгия Всеволодовича – Всеволода [3, стб. 453–454]. Союз был направлен против Михаила Черниговского. Поэтому естественным было вступление в 1236–1237 гг. в борьбу за Киев брата владимирского князя – Ярослава Всеволодовича – на стороне галицких и смоленского князей. В этих действиях угадывается опосредованное участие Георгия Всеволодовича в борьбе на юге Руси, что позволяет считать его деятелем общерусского масштаба.

При этом князь вёл широкомасштабную политику по расширению восточных рубежей путём наступления на Волжскую Булгарию, утверждению владимирского влияния в Новгороде и защите новгородских рубежей в Прибалтике в 1220-е гг. от немцев, шведов, литовцев, крещению карел в 1227 г. (первая христианизация целого народа, проведённая русским князем после Крещения Руси), удержанию до 1229 г. Переяславля-Русского [16]... В 1220-е гг. дружины всей Залесской земли систематически перемещались от Прибалтики до Нижнего Новгорода, решая военно-политические задачи. Эти и другие военно-политические мероприятия, за исключением поездки в Городец в 1220 г. и похода из Нижнего Новгорода на мордву в 1229 г., реализовывались братьями и племянниками владимирского князя Георгия Всеволодовича. По их рассказам, князь рисовал в воображении далёкие земли. К ним могли относиться и загадочные Тоймокары, куда не пустили новгородцев Семёна Емина Георгий и Ярослав Всеволодовичи в 1218 г. [17, с. 59, 260]. Оним *Тоймокары* отсылает к «*тоймицам* поганым» из «Слова о погибели Русской земли» [18, с. 90]; тоймицами называлось финское племя к северу от Устюга в районе рек Верхней и Нижней Тоймы

[19, с. 314–315]. В таком случае чинение преград Семёну Емину, кроме дестабилизации внутренней обстановки в Новгороде, стало продолжением политики Всеволода Большое Гнездо по освоению Заволочья.

Князю Георгию Всеволодовичу суждено было завершить «проект» своего дяди Андрея Боголюбского. В 1221 г. на устье Оки был основан Нижний Новгород: пространство по течением Клязьмы, левобережья нижней Оки и Волги от Городца до устья Оки было замкнуто. С этого момента мордовские племена входят в число объектов экспансии Владимирского княжества, а мордва становится реалией военно-политической повседневности владимирских князей. В картине мира князя Георгия Всеволодовича и его братьев привычными были половцы «на устье Оки» – речь идёт об их упоминании под руководством Пурешева сына в 1229 г. [3, стб. 451]. Сам контекст известия при скептическом отождествлении Пурешева сына с мордвином позволяет видеть в этих номадах к югу от Нижнего Новгорода обыденность.

В 1225 г. в Нижнем Новгороде был поставлен каменный собор Спаса [3, стб. 447], который венчал распространение христианства до этих мест. Там же был заложен и Богородичный монастырь [3, стб. 451]. На крайнем востоке своих владений владимирский князь символически утверждает триумф Православия. В Суздале по инициативе Георгия Всеволодовича в 1222–1224 гг. был возведён каменный храм Рождества Богородицы [3, стб. 447].

«Невыездной» статус Георгия Всеволодовича надо учитывать при оценке его противоречивого поведения во время Батыева нашествия зимой 1237/1238 г. Не имея представлений о землях Руси, их размерах и пр., не сталкиваясь с миром кочевников, князь мог представлять угрозу монголов достаточно абстрактно. Исходя из того что ранее Владимир не был ни разу взят противником и видя лишь мизерное число других крепостей, князь наивно уверовал в неприступность своей столицы. Об этом свидетельствует то, что он оставил там всю свою семью и направился на реку Сить. Там он и принял последний бой [3, стб. 461–465].

Обзор правлений трёх владимирских князей – Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо и Юрия (Георгия) Всеволодовича – под историко-географическим углом зрения на их военно-политическую деятельность показал, что пространственные представления и опыт этих Рюриковичей оказались весьма существенным фактором в их деятельности. Андрей Юрьевич Боголюбский, утверждаясь в Северо-Восточной Руси, привнёс в свою политику ка-

питал военно-политических баталий на юге Руси, стремление показать свою силу именно князьям-соперникам, дабы получить признание его как владимирского князя, диктующего свою волю. Ещё шире и богаче оказалось пространство политики и обусловленный им набор военно-политических средств Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Он состоялся как деятель не только восточноевропейского, но и европейского масштаба вообще. А вот князь Георгий, который вырос и сформировался во Владимирском княжестве, на первый взгляд предстаёт менее глобальной фигурой по причине того, что не совершал далёких поездок и походов. Тем не менее он с братьями и племянниками продолжал политику по всем направлениям, которые сложились при его отце (продолжал даже в отношении Юго-Западной Руси, выдав свою дочь за Василька Романовича [2, стб. 758]), и привнёс в неё новации (последовательная борьба в Прибалтике) [16]. Более того, эта военно-политическая деятельность стала носить чёткий и последовательный характер, превратившись в стратегию [16].

Можно сказать, что на протяжении трёх поколений правителей Северо-Восточной Руси было достигнуто понимание целей и задач расширения, экспансии княжества. Княжество обрело чёткие границы между течениями верхней Волги и нижней Оки, получив возможность внутреннего обустройства территории и новые горизонты движения. К этому пространству добавилась при Георгии Всеволодовиче Прибалтика. Об этом с горечью утраты сказано в «Слове о погибели Русской земли», где были осмыслены все достижения в военно-политическом освоении пространства не только внутри княжества и на сопредельных территориях, но и, например, в Прибалтике или на Тойме, владимирскими князьями. Важную роль в расширении своего пространства сыграла иеротопия, заключающаяся в маркировании значимых пунктов христианскими агнообъектами (храмами, монастырями, реликвиями). Она оказалась наиболее устойчивой традицией в политической географии владимирских князей. Другие же направления неодинаково полно и последовательно осуществлялись при Андрее и Всеволоде Юрьевичах. Лишь при Георгии Всеволодовиче и его братьях они были сведены вместе, однако действия по каждому из них были пресечены Батыевым нашествием. Оно и последовавшее ордынское иго взорвало политико-географическое пространство раздробленной Руси и на продолжительное время лишь приостановило реализацию программы расширения Владимирского княжества. Залогом последнего стало то,

что владимирские князья домоногольского времени не только действовали в политико-географическом пространстве, но и существенно и целенаправленно изменяли и, по сути, реструктурировали его.

Список литературы

1. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 350 с.
2. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 605 с.
3. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
4. Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский. Владимир: Транзит-ИКС, 2011. 204 с.
5. Карпов А.Ю. Андрей Боголюбский. М.: Молодая гвардия, 2014. 462 с.
6. Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – первой трети XIII в. // Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2011. С. 45–64.
7. Кучкин В.А. Северо-Восточная Русь при Юрии Долгоруком и его преемниках // Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2010. С. 9–44.
8. Кузнецов А.А. Черемись-мещера Нижнего Потоья // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25–27 октября 2017 г.). Саров: Интерконтакт, 2017. С. 61–65.
9. А се князи Русьстии // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 467–468.
10. Бибиков М.В. Византийский источник Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М.: Ладомир, 1998. 186 с.
11. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
12. Кузнецов А.А. Жена Всеволода Большое Гнездо: яское (аланское) или чешское происхождение? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 17–27.
13. Кузнецов А.А. Два эпизода из биографии Ярослава Владимировича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 56–57.
14. Еремян С.Т. Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам // Труды Ереванского государственного университета. 1946. Т. XXIII. С. 389–421.
15. Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М.: Знак, 2007. 328 с.
16. Кузнецов А.А. Элементы имперской практики во внешней политике Владимирского княжества первой трети XIII века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. № 4. С. 791–808.
17. Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.

18. Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 1997. С. 90.

19. Горский А.А. К вопросу о датировке «Слова о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. Т. LI. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 313–320.

THE SPACE OF EASTERN EUROPE IN THE POLITICAL ACTIVITY OF THE VLADIMIR PRINCES

A.A. Kuznetsov

The article discusses the biographies of the Vladimir princes Andrei Bogolyubsky, Vsevolod the Big Nest, Georgy (Yuri) Vsevolodovich in the geographical context of Eastern Europe. The life experience of the wanderings of Yuri Dolgoruky's children and grandson are analyzed with the aim to identify the personal motivations of their actions in foreign policy during the second half of the 12th – mid-13th centuries, and to understand the influence of their geographical outlook on these actions. This outlook was comprised of both direct and indirect elements. Indirect ideas about the geographical space evolved from travelogue-type stories. It is argued that the political and geographical experience was an important factor in developing military-political strategies. The historical sources of this study are the Russian chronicles and the work of the Byzantine historian John Kinnam.

Keywords: Vladimir principality, North-Eastern Russia, Yuri Dolgoruky, Andrei Bogolyubsky, Vsevolod the Big Nest, Georgy Vsevolodovich, Baltic, Novgorod, Byzantium.

References

1. Kuchkin V.A. Formirovanie gosudarstvennoj territorii Severo-Vostochnoj Rusi v X–XIV vv. M.: Nauka, 1984. 350 s.

2. Ipat'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL). T. II. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 605 s.

3. Lavrent'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL). T. I. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 496 s.

4. Voronin N.N. Andrej Bogolyubskij. Vladimir: Tranzit-IKS, 2011. 204 s.

5. Karpov A.Yu. Andrej Bogolyubskij. M.: Molodaya gvardiya, 2014. 462 s.

6. Kuchkin V.A. O marshrutah pohodov drevnerusskikh knyazej na gosudarstvo volzhskih bulgar v XII – pervoj treti XIII v. // Kuchkin V.A. Volgo-Okskoe mezhdurech'e i Nizhnij Novgorod v srednie veka. Nizhnij Novgorod, 2011. S. 45–64.

7. Kuchkin V.A. Severo-Vostochnaya Rus' pri Yurii Dolgorukom i ego preemnikah // Kuchkin V.A. Volgo-Okskoe mezhdurech'e i Nizhnij Novgorod v srednie veka. Nizhnij Novgorod, 2010. S. 9–44.

8. Kuznecov A.A. Cheremis-meshchera Nizhnego Pooch'ya // Edinaya rossijskaya naciya: problemy formirovaniya eyo identichnosti: Sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (25–27 oktyabrya 2017 g.). Sarov: Interkontakt, 2017. S. 61–65.

9. A se knyazi Rus'stii // PSRL. T. III. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 467–468.

10. Bibikov M.V. Vizantijskij istochnik Ioann Kinnam o Rusi i narodah Vostochnoj Evropy. M.: Ladomir, 1998. 186 s.

11. Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi. M.: Nauka, 1968. 472 s.

12. Kuznecov A.A. Zhena Vsevoloda Bol'shogo Gnezdo: yasskoe (alanskoe) ili cheshskoe proiskhozhdenie? // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2016. № 2. S. 17–27.

13. Kuznecov A.A. Dva epizoda iz biografii Yaroslava Vladimirovicha // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2007. № 3 (29). S. 56–57.

14. Eremyan S.T. Yurij Bogolyubskij po arмянским i gruzinskim istochnikam // Trudy Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta. 1946. T. XXIII. S. 389–421.

15. Simeonovskaya letopis' // PSRL. T. XVIII. M.: Znak, 2007. 328 s.

16. Kuznecov A.A. Elementy imperskoj praktiki vo vneshnej politike Vladimirskogo knyazhestva pervoj treti XIII veka // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2017. T. 159. № 4. S. 791–808.

17. Novgorodskaya pervaya letopis' // PSRL. T. III. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 720 s.

18. Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 1997. С. 90.

19. Горский А.А. К вопросу о датировке «Слова о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. Т. LI. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 313–320.